

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ДАТА - КОММЕНТАРИЙ

"Песни о свободном слове" в "Современнике" печатались с датой: "Писано в ноябре и декабре 1865 года". Столь точная датировка у Некрасова не редкость, но здесь дата проставлена на не совсем обычном месте - не в конце, под текстом, а в начале, в виде подзаголовка к циклу: "Песни о свободном слове (писано в ноябре и декабре 1865 года)".

Так выглядело заглавие цикла в мартовской книжке "Современника" за 1866 г. Ту же дату - "1865, декабрь" - имела и одна из "Песен", первоначально опубликованных вне цикла, - "Осторожность". Позже, перепечатавая "Песни", автор ослабляет тщательность датировки, в качестве даты указывается только год; однако и здесь он проявляет повышенную скрупулезность: ему почему-то важно, чтобы первые семь "Песен" датировались 1865 г., поэтому дата "1865", выставленная под заглавием, повторена под текстом песни "Осторожность" и относится, очевидно, ко всем предшествующим, в то время как восьмая, заключительная "Песня", "Пропала книга", снабжена собственной датой - "1866".

Любопытная деталь. Недавно ныне покойный А. М. Гаркави обнаружил среди бумаг академика А. Ф. Кони корректуру цикла и высказал в связи с этим убедительное предположение, что она относится к попытке опубликовать цикл до мартовской книжки "Современника" 1866 г. - в конце 1865--начале 1866 г.¹ Текст "Осторожности" здесь уже имеется, но отсутствуют не только "Пропала книга", но и "Поэт". Это послужило для исследователя веским основанием утверждать, что обе песни тогда, т. е. в 1865 г., еще не были написаны, однако последнюю, в отличие от первой, Некрасов почему-то считал возможным или нужным датировать 1865 г. Почему?

Как известно, цикл вызван новым законом о печати от 6 апреля 1865 г., по которому ряд изданий освобождался от предварительной цензуры, но одновременно вводилась цензура "карательная". Журнал просматривался цензором уже в отпечатанном виде, вследствие этого вся ответственность за опубликованные материалы возлагалась на авторов и редакторов изданий. Органы царской цензуры получили право привлекать их к суду, а также воздействовать административными мерами - вырезать "вредные" журнальные материалы, уничтожать готовые книги. Вводилась система предостережений: после третьего предостережения печатный орган подлежал закрытию.

Реакционные и либеральные публицисты не скупались на славословия новому закону о печати как освободительной реформе и великому благу.² Однако практика его применения охладила пыл славословий. С 1 сентября начали появляться первые бесцензурные книжки русских журналов, а в ноябре и декабре градом посыпались репрессии, жертвами которых были не только радикальные органы русской журналистики, но и весьма умеренные - славословивший реформу "Голос" А. А. Краевского, "День" И. С. Аксакова.³ Особенно тяжелым было положение таких органов, как "Современник" и "Русское слово". "Современник" 10 ноября получил первое предостережение, 4 декабря - второе. Над журналом нависла реальная угроза закрытия. Имеется свидетельство А. И. Герцена о том, что Некрасов после второго предостережения обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой "поставить журнал снова под цензуру. Валуев отказал, ссылаясь на то, что переход "Современника", "этого свободолюбивого журнала", под цензурное положение будет равносителен прямому фактическому заявлению, что новое бесцензурное положение русской журналистики хуже старого, цензурного". Одновременно министр предложил "представлять статьи" на его "предварительное рассмотрение".⁴ И все это происходило в ноябре и декабре 1865 г. Поэтому указание "Писано в ноябре и декабре-1865 года" при заглавии цикла не просто дата, а своего рода комментарий, призванный обратить внимание на те факты и события, которыми внушены "Песни о свободном слове". Позже, когда цензурные репрессии в сознании читателей и литераторов связывались не с определенными месяцами 1865 г., а с 1865-м годом в целом, Некрасов снимает дату-подзаголовок, оставляя в качестве даты лишь "1865".

Эти соображения касаются всех "Песен", за исключением одной - "Пропала книга". Она тоже связана с реформой печати, ее тема - сожжение книг, т. е. именно то, что было узаконено

законом о печати от 6 апреля; однако в практику цензурные аутодафе вошли начиная со следующего, 1866 г. Если в 1865 г. была уничтожена только одна книга, то с 1866 г. количество цензурных уничтожений книг резко возрастает, именно этим обстоятельством вызвано к жизни стихотворение Некрасова и именно поэтому оно не могло быть написано и датировано ранее 1866 г.⁵

Это не единственный у Некрасова случай даты-комментария. В ранней редакции лирической комедии "Медвежья охота" имеются две редакции исповеди-монолога одного из ее героев - Миши, где между прочим есть такие строки:

Хоть и не свыше данной нормы
Я тотчас утвердил надел;
Хвалю судебные реформы,
Быть членом земства я хотел.

К последнему стиху автор впоследствии сделал примечание: "Писано в феврале 1867 года".⁶ Почему так важно датировать не произведение в целом и даже не одно из стихотворений цикла, а один стих, одну строку? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть, что в начале 1867 г. разразился и получил широкую известность конфликт между правительством и Петербургским земством, которое выразило протест против ограничения финансовой деятельности земства и отказалось пересмотреть свой бюджет. В результате все земские учреждения Петербурга были закрыты.⁷ Быть членом земства в это время означало - быть в оппозиции. Примечание, следовательно, и в этом случае имело характер комментария.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭПИГРАММА НЕКРАСОВА

В собрании В. Е. Евгеньева-Максимова среди бумаг Некрасова находилась запись неизвестным лицом следующей эпиграммы:

Твой слог томителен и тяжек...
А узнаем мы лишь одно,
Что много на Руси бумажек,
Но это знают все давно.

Над текстом надпись другой рукой, может быть А. Н. Пыпина: "Экспромт Некрасова по поводу доклада И. И. Кауфмана, читанного в Лит. фонде".⁸

Илларион Игнатьевич Кауфман (1848--1916) - буржуазный экономист и статистик, впоследствии профессор Петербургского университета. Когда и по какому поводу могла быть написана на него приведенная эпиграмма? 5 января 1875 г. И. И. Кауфмана избирали в члены Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд), членом и одним из основателей которого был Некрасов. В связи с этим Кауфман прочел лекцию о состоянии русских финансов. Касаясь ее содержания, газета "Биржевые ведомости" писала: "Состояние наших финансов, по мнению лектора, более блестящее, чем положение финансов английских и даже американских. И. Кауфман, между прочим, проектирует погашение бумажного государственного долга посредством выпуска яовых кредитных бумаг для промышленности и торговли; процентами с этих новых бумаг, по его мнению, и должен погашаться ныне существующий ассигнационный долг".⁹

Неоправданно оптимистические и легкомысленные рецепты спасения русских финансов, предложенные Кауфманом, вызвали многочисленные насмешки в печати. Давно известен и не раз перепечатывался другой экспромт Некрасова, белой автограф которого сохранился в архиве А. Н. Пыпина, а копия (с незначительным разночтением) - в записи П. А. Ефремова:

В стране, где нет ни злата ни сребра,
Речь об изъятии бумажек
Не может принести добра,
Но... жребий слушателей тяжек.

На автографе рукою Пыпина помета: "5 янв. 1875. В собрании Литер, фонда, по поводу финансового чтения Кауфмана" (II, 525, 791--792). Есть веские основания полагать, что автором публикуемой эпиграммы также был Некрасов. Сопоставление текстов убеждает, что перед нами не два варианта одного экспромта, а два экспромта, создававшиеся, очевидно, одновременно, т. е. 5 января 1875 г., во время лекции Кауфмана или сразу после нее.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАМЕТКА НЕКРАСОВА (?)

В 1849 г. редакцией "Современника" был издан "Литературный сборник с иллюстрациями". С этим сборником связана целая история. Приступая к изданию нового журнала, Некрасов известил читателей, что он будет выходить с иллюстрациями. Осуществить это обещание по техническим причинам не удалось, и в качестве компенсации решено было издать для читателей "Современника" "Иллюстрированный альманах". На протяжении 1847 и 1848 гг. редакция неоднократно извещала об этом читателей журнала, но альманах так и не появился по цензурным причинам: дважды рассматривался вопрос о нем в цензурном ведомстве, и в итоге он все-таки был запрещен.

Однако Некрасов не мог примириться с этим запретом: необходимо было сдержать слово, данное подписчикам; кроме того, на сборник возлагались определенные надежды в отношении повышения уровня подписки на журнал. Некрасов продолжил борьбу за него, и в конце концов указанный сборник (под новым названием) был напечатан.¹⁰ В "Современнике", в отделе библиографии, было помещено редакционное извещение о выходе его в свет;¹¹ автором этого извещения, судя по его характеру и по содержанию, должен был быть один из двух редакторов "Современника" - Некрасов или Панаев. И поскольку альманах был детищем Некрасова, поскольку на нем лежали все заботы и хлопоты об этом издании (см. его письма: X, 73--74, 93--95, 108--111, 126, 130; Панаевым подписывались лишь обращения в цензуру, так как он был официальным редактором журнала), есть веские основания полагать, что им же написана и эта редакционная заметка. Строгий деловой стиль текста также свидетельствует об авторстве Некрасова, а не Панаева. Разумеется, при отсутствии документальных данных об авторстве всегда остается место для некоторого сомнения, но, думается, мы вправе предоставить рассматриваемой заметке место в "Dubia" Полного собрания сочинений поэта.

В небольшой редакционной заметке обращает на себя внимание отзыв о "Сне Обломова" Гончарова, опубликованном в "Литературном сборнике с иллюстрациями":

"Сон Обломова", эпизод из неоконченного романа г. Гончарова, эпизод, который, впрочем, имеет в себе столько целого и законченного, что его можно назвать отдельной повестью, - есть образчик того нового произведения, которое, нет сомнения, возобновит, если не усилит, прекрасные впечатления, оставленные в читателях за два года перед этим напечатанною в "Современнике" "Обыкновенного историей". И далее: "Кто прочтет "Сон Обломова" <...> тот убедится, что талант г. Гончарова не только не клонится к упадку, но обнаруживает более зрелости. В этом эпизоде снова является во всем своем художественном совершенстве перо-кисть г. Гончарова, столько замечательная в отделке мельчайших подробностей русского быта, картин природы и разнообразных живых сцен. Мы удерживаемся хвалить этот эпизод только потому, что он помещен в нашем издании".

Эта очень точная и, мы бы сказали, даже проницательная характеристика главы-эпизода, с удивительным предчувствием будущего романа, по-видимому, принадлежит Некрасову.

Примечания

¹ Гаркави А. М. Неизвестные строки Н. А. Некрасова. - В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Калининград, 1976, с. 167.

² Сводку откликов в печати см. в кн.: Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб., 1904, с. 417-426.

³ См.: Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2. СПб., 1870, с. 119, 122, 126--127.

⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1960, с. 31--32.

⁵ См.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. М., 1962, с. 53--61. Ср.: Гин М. От факта к образу и сюжету. О поэзии Некрасова. М., 1971 с 58--59.

⁶ ИРЛИ, ф. 203, оп. 1, No 764, л. 14.

⁷ См.: Веселовский Б. История земства, т. III. СПб., 1911, с. 120--125; Пажитнов К. А. Городское земское самоуправление. СПб., [б. г.], с. 88.

⁸ В настоящее время хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (р. I, оп. 20, ед. хр. 107).

⁹ Биржевые ведомости, 1875, 8 января.

¹⁰ См.: Евгеньев-Максимов В. "Современник" в 40--50 гг. Л., 1934, с. 249--254; Долгих У. М. Цензурная история некрасовского "Иллюстрированного альманаха". - Русская литература, 1977, No 2, с. 122--126.

¹¹ Современник, 1849, No 4, отд. III, с. 96--98 (без подписи).